

От автора: В 1994 году в Иркутске сподобился я зреть и слушать Александра Солженицына, что и запечатлел в репортажном очерке, который увидел свет в здешней газете. Ныне, изрядно выправив очерк, прочтя десятки полярных мнений и суждений о таинственном вермонтском сидельце, я был потрясен чарующей силой сего писателя. Ибо столь свободомыслящих писателей и читателей почли его за гения, подобного Федору Достоевскому, что, вроде, стыдно и не поверить. Но, при Солженицыне тихо, смутно, ныне громогласно и ясно, прозвучали и обличительные, уничижительные суждения о плодах писательской и публичной деятельности нобелевского лауреата, отчего эта личность для меня стала еще загадочнее. Сему и посвящен очерк.

Бить врагов, спасти Россию

Четверть века миновало с того лета, когда Солженицын гостил в Иркутске, но жаркие споры о судьбе и творчестве Александра Исаевича не стихают и поныне. Говорят, что за шум, а драки нету: дело бы до драки не дошло...

В середине июня 1994 года Иркутск изнемогал от зноя, и в адском пекле плавились, спекались в голове скудные мысли, горела, дымилась, трескалась душа. Дождика бы... Можно спастись в прохладе храмов, в глухой тени древних каменных стен и матёрых тополей, но в Доме политпроса¹, где затеяли встречу с Александром Солженицыным, колыхалась влажная духота. Когда я сунулся в политпрос, в актовом зале уже набилось людей, что в бочке сельдей, а в дверях — давка. Тетка утробно вопила:

— Задавили, ироды!

Шутник в дверях, утыкаясь в глухую стену человечьих спин, озорно вопрошал:

— Чего, бабоньки, дают?

— Солженицына, — отвечал сумрачно-весёлый голос.

Напористый народец попёр в распахнутые окна, полез сердито, с бранью; и когда были забиты проулки меж рядов, оказалось, что изрядно поклонников не вошло в политпрос, и вынуждено весь вечер пастись возле окон, слушать эхо речей.

С грехом пополам народ угомонился, и вышел Солженицын... высокий ясный лоб гения, пронизательный, пророческий взгляд, благородная борода... вышел и оглох от грома восторженных рукоплесканий. Народ загудел, заликовал... Александр Исаевич развёл руками: мол, вот так меня принимают... А я подумал: что привело сюда три сотни замордованных жизнью, растерянных и отчаявшихся людей?.. Что заставило их давиться, лезть по головам, или, подобрав юбки, запахнув пиджаки, карабкаться через окна, ругаться, пихаться?.. Видимо, нужно, хоть на час-другой, отвлекаясь от суеты сует ради хлеба насущного, почуять себя гражданином Великой России, вроде даже способным помочь Державе измененной...

¹Так встарь звали Дом политического просвещения, разумеется, коммунистического.

Но всё же... всё же явственно чуялось и зоопарковое любопытство российских обывателей, чуялось в потном воздухе, в суетной давке, в гуле возбуждённых разговоров, когда эхо гулкое, словно в казённой бане. Очевидцы вспоминали, как Горький с Андреевым во время театрального антракта прятались в буфете от рьяных почитателей, но поклонники и там надыбали классиков и, нависнув над круглым столом, громко восхищались: «Глянь, глянь!.. Горький-то чё творит!.. пирожное откушал!.. Андреев-то!.. мамочки родные!.. пива отхлебнул и копчёной сёмгой закусил!.. Прямо как люди...»

Нечто похожее витало и на встрече с Александром Исаевичем... Увы, увы, обыватель любит писателей не за слово, а за славу... Да что обыватель, за малым исключением вся русская интеллигенция, способная любить словотворца лишь за славу, обезумела от Солженицына, и лет пятнадцать носилась с его мировым именем, как с писаной торбой. Нет, воистину, было в той встрече и музейно-ротозейное любопытство, кое чуялось в потном воздухе, в суетной давке, в гуле возбуждённых разговоров. Увидеть!.. Услышать!.. Ощупать!.. Клок штанины оторвать!..

Впрочем, не буду грешить перед правдой, избранные русские, забывшие тернистый путь к храму Христову, толпой валили на эдакие встречи с потаенной, сокровенной надеждой: может, грядет пророк!.. может, услышав его спасительное набатное слово, слившись под знаменем долгожданного вождя, мы, русские, дружно станем бить врагов, спасать Россию. Хотелось сего, но жаль, что *вожди*, в сравнении с царем Иваном Грозным, императором Александром III, отцом народов Иосифом Сталиным, нарождались мелкоотравчатые, духом хилые, и врагами России искушались.

«У нас отняли завтрашний день»

Александр Исаевич избрал своеобразную манеру общения с народом: люди пришли внимать пророку, а тот желал людей послушать.

— Говорите, что хотите, всё, что у вас на душе: тревоги, страхи, надежды, предложения, соображения и вопросы. Я буду в качестве секретаря. Мне это нужно, чтобы представить общероссийские дела. А потом я откликнусь на главное, отвечу.

Многим это не понравилось, кто-то рядом со мной проворчал, но это потом, когда народ говорил, говорил и говорил:

— Интересно получается: пришли его послушать, а уже час слушаем своих шизофов и графоманов. Мы и без него их наслушались. А если ему интересно послушать народ, ну и ходил бы по городам, деревням, разговаривал со всякими встречными-поперечными. Выпил бы в деревне с мужиками, они бы ему с три короба наговорили. А теперь стой в этой духоте, в тесноте, и слушай всякие глупости...

Проворчавший, конечно же, обидел говорящую публику, потому что среди болезненного или незначительного было сказано немало и мудрого, смелого, искреннего. Говорили то, о чём потом толковали лет десять, что потом обратилось в сотрясение воздуха, ибо все десять лет власть имущие и в ус не дули, чихали на то, что говорит и думает народ: как грабили и гробили Россию, так и продолжали черное дело, да еще и откровенно изгалялись в «голубом ящике», насмехались над русскими дураками. Верно сказано, а Васька слушает да ест... сыто урчит и похохатывает.

И в политпросе люди спрашивали Солженицына, выговаривали нобелевскому лауреату о том, что в России миллионы наркоманов и проституток, миллионы убиты в криминальных разборках; говорили о нищете рабочих, крестьян и спецов, деятелей науки и культуры; о бедственном положении русского искусства, задавленного, будто грязной свиньей, прозападной масскультурой и макулатурой.

— Власть через телевидение и печать навязывает порнуху и чернуху... Где фильмы о наших национальных православных идеалах, о любви, о скромности, о совести? На каждом шагу маты...

— Не смотрите, не читайте...

— Я хотел бы спросить Вас, Александр Исаевич, что делать нашему народу, когда его обворовывают?

— Не давать себя обворовывать...

— Да нас не спрашивают...

— Для начала сами не воруйте...

— Как Вы относитесь к масонству?

— Сложный вопрос... Не для общей беседы...

— Вы, Александр Исаевич, — присоветовал писателю наш земляк, — должны сказать людям правду, не побояться, как это делает Валентин Распутин. Вы знаете, что его шельмовали в прессе и при Горбачеве, и при нынешней власти. Вы знаете, что Вашим именем постараются воспользоваться антипатриотические силы. Найдите в себе мужество не дать, чтобы Вашим именем прикрывалось дальнейшее разрушение России. Уважаемые иркутяне, уважаемые россияне, уважаемый Александр Исаевич! Я в настоящее время работаю врачом «скорой помощи». И примерно треть вызовов — заболевания на почве пьянства. Население находится в состоянии жесточайшего запоя. И когда разговариваешь с этими людьми во время оказания помощи или после уже, когда их пытаешься пролечить в психонаркологическом диспансере, то выясняется, что люди — и женщины, и мужчины (сейчас разницы нет), — пьют чаще всего от того, что у нас отняли завтрашний день. У нас отняли перспективы, доступное здравоохранение, воспитание детей, образование...

Распродажа земли русской

Разумеется, при всей противоречивости суждений, говорил Солженицын и суровую, впрочем, всем известную правду о российской трагедии.

— Скажу о вопросе, который еще считаю не погибшим, который еще можно спасти. И это решающим образом повлияет на судьбу России. Это вопрос о собственности земельной. Вокруг нее было много дискуссий. Чуть-чуть не свершилось непоправимое. Но непоправимое еще не произошло. Земля, которая считается государственной, на 80% украдена у крестьян. Ибо Октябрьский переворот не дал землю крестьянам, а отнял землю, он объявил ее национальной собственностью, хотя она крестьянская.

— Александр Исаевич, может быть, это не самое страшное, что земля была национальной собственностью, а если её завтра скупят заморские деляги?..

— Да, сейчас, судя по сообщениям центральных газет, отдельные умники из Москвы видят один путь перехода деревни к рынку, — через аукцион земли. Кто даст больше. При этом даже не ставится вопрос, будет ли земля давать сельхозпро-

дукцию или, как хочешь, так и распоряжайся собственным участком... Если подобный закон будет принят, мы окончательно останемся без России. Какой аукцион?! У кого сегодня есть деньги для покупки земли? У сволочей-коммерсантов (*Народ согласно зашумел*), которые ничего не производят, а, воспользовавшись взятками чиновников, скачком валют, грабят народное достояние и отправляют за границу. Они имеют деньги и могут скупить землю, а нас сделать рабами...

Из зала отозвался начитанный слушатель с распахнутой книгой в руках:

— Разумеется, тут и западный капитал отхватит львиную долю земли. И будет полная колонизация... Федор Михайлович Достоевский писал: «Земля — всё, а уж из земли и все остальное: и свобода, и жизнь, и честь, и детишки, и порядок, и церковь». А в «Дневнике писателя» добавил о земле: «Вон жида становятся помещиками, — и вот повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освобождаясь от помещиков, несомненно, и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство и к гораздо худшим помещикам, которые уже высосали соки из западнорусского мужика, и тем самым, которые не только поместья и мужиков теперь закупают, но и мнение либеральное начали уже закупать и продолжают это весьма успешно».

Александр Исаевич продолжал:

— Кстати, уже сегодня крестьяне отдают свой труд ни за что. У нас в некоторых деревнях, — я убедился в этом во время поездки по Дальнему Востоку, — цены на продукты, в частности, на хлеб дороже, чем в городе. Вы можете себе представить такую картину? И с чего надо начинать спасение России, — с сельского хозяйства, потому что, прежде всего, нужно накормить людей.

«Погубили Россию наши отцы, деды и прадеды...»

— Еще в сорок пятом — сорок шестом году, — вспоминал Солженицын, — я сидел в лагере с мудрыми старыми людьми, уже покойными; и мы не сомневались, что коммунизм рухнет, — эта система внутри себя сгнила; она жила семьдесят лет за счет грабежа русских богатств...

— Извините, Александр Исаевич! — выкрикнула горячая голова, — если советская система грабила народ, то куда уходило награбленное?.. Сейчас понятно: богатства России ушли на зарубежные счета наших олигархов, повязанных с правящей верхушкой, которая за это и продала Россию Западу и обрекла русский народ на вымирание. Но в чьи карманы, Александр Исаевич, уходили богатства страны при коммунистах, не на мощь ли Державы, которая блистала перед миром могучим производством, великой наукой, потрясающим искусством?!

Оставив мнение без ответа, Александр Исаевич продолжил:

— Страна наша уникально богата... Беды наши начались с семнадцатого года. И не надо рисовать картину, что вот какие-то масоны погубили Россию. Погубили Россию, хотите знать, наши отцы, деды и прадеды...

Шум несогласия, писатель повышает голос, и кто-то кричит с вызовом:

— Вы на нас голос-то не повышайте!.. Вы, конечно, сидели в сталинских лагерях, но Вам столько Запад за это заплатил, что Вы миллионер. А мы тут, хоть и не сидели, а с народом всё переживали. И жили-то не до жиру, а стали нищие...

Несогласие с Солженицыным, высказанное мне потом:

— Если он так основательно десятки лет занимался русской историей и особенно русской революцией, то масонский вопрос уж никак бы не обошел. Вся мировая история в их дьявольских руках. И все трагедии в России дело их рук... Ныне о сем изрядно напечатано в книгах и журналах... Да, конечно, и народ русский виноват... Славный писатель Владимир Солоухин так мыслил о *народной вине*: «Иногда на каком-нибудь литературном вечере или просто во время разговора, когда обостряется полемика, кто-нибудь из оппонентов начинает: «Кого вы обвиняете?! На кого вы хотите все свалить?! Разве не сами вы из церкви выбрасывали иконы, превращали церкви в склады, а то и вовсе разбирали их на кирпич, сбрасывали колокола, увозили семьи раскулаченных на железнодорожные станции?! На кого же вы хотите свалить вину?» Приходится отвечать: «Знаете ли вы, дорогие оппоненты, что в каком-нибудь Освенциме около печей стояли евреи? Заключенные. Утром распределение работ: кому дорогу мостить, кому у печей стоять. И покорно стояли. Но не можем же мы на основании этого сказать, что евреи сами себя уничтожали в концлагерях?!»»

Вот мнение Солоухина, и, очевидно, оба правы — и Солоухин, и Солженицын: было и насильственное принуждение, было и дьявольское искушение *внешней языческой волей*, суть вседозволенностью.

Александр Исаевич досказал начатую мысль:

— Они, наши предки, погубили Россию в семнадцатом году, когда послушали «прекрасные» ленинские лозунги: грабь награбленное, бросай оружие и убей офицера. Езжай вглубь и грабь хуторян и помещиков. Мы погубили цветущую страну, которая по величию и благоденствию не имела ровни в мире. Мы ее семьдесят лет губили, а последние годы добиваем.

Опять же, несогласное мнение, высказанное после вечера: дескать, Александр Исаевич молчит про то, что в простом народе, которого девяносто процентов, скопилась трехвековая неприязнь к падшему правящему дворянству; они и говорить-то по-русски разучились и, что греха таить, довели народ до жизненного края. Впрочем, дворянство и разночинство за грехи перед родным народом кровью умылось — за что боролись, на то и напоролось, и новомученики приняли мученический венец и за себя, и за обмирщенное духовенство. А сволочь мировая в семнадцатом году использовала народную неприязнь к правящему дворянству, к новоиспеченным буржуям, к их прислужникам, среди коих простолюдые узрело и попов.

Зачем так много разговоров о «Белом доме»

А встреча с известным деятелем продолжалась. Въедливый мужичок задал каверзный вопрос:

— Александр Исаевич, что Вы можете сказать о расстреле Правительством России «Белого дома»?

Солженицын был явно недоволен вопросом, но мудро и спокойно рассудил:

— Сегодня с горячностью говорят о погибших в «Белом доме». Я понимаю, я разделяю горе. Говорят, убито несколько сот человек. Это крупная трагедия. Её легко можно было избежать в девяносто первом году, — просто-напросто распустить этот Верховный Совет одним росчерком пера.

В зале шум. Рядом со мной голос возмущенный:

— Ничего себе, демократ — одним росчерком пера. Как Ленин. А Конституция, на которой Президент клялся, — она позволяла?.. Это же диктатура воров и убийц!.. Одним росчерком пера... Одним выстрелом из танка... Это как Ленин Думу разогнал. Вот тебе и демократ Солженицын...

Другой голос, решительный:

— Сам себе Александр Исаевич противоречит. Или уж, как писали в советских газетах, *Солженицын* — *солжет* и не моргнет... Говорит о народовластии, о выборах по территориям, из глубин народа, не из партий, состряпанных на скорую руку. А тот расстрелянный и разогнанный Совет самым народным и был, и, может, последний такой...

А Солженицын повторил:

— ...И все бы обошлось. Одним росчерком пера. Но все-таки, зачем так много разговоров о «Белом доме»?..

Мне вспомнилась гневная статья Валентина Распутина о расстреле Белого дома: «Идущие на гибель приветствуют тебя, президент»...

— Я все-таки напому: а шестьдесят миллионов расстрелянных и замороженных в тайге — вы забыли о них?! Это Советская власть сделала!

Голос гневный возразил:

— Солженицын лжет, цифра дутая... Сталинская советская власть дважды воскресила дважды убитую Российскую Империю...

Александр Исаевич багровеет — духота страшная в Доме политпроса и тема мучительная; он уже кричит в гудящий зал, и как будто уже не с публикой спорит, а со вторым человеком в себе, который помимо политических вывертов плачет о убиенных в «Белом доме».

А вьедливый мужичок опять толкует поперек:

— Его друг, покойный Сахаров, стоял на митинге с плакатом на груди: «Вся власть Советам». И тогда демократы говорили, что у нас семьдесят лет не было настоящей советской власти, то есть, народовластия. И они добились своего, вырвали власть у партии в пользу Советов. И этот же Совет танками. Сахаровский Совет... Что-то здесь неладное у Александра Исаевича.

Реформа в интересах уголовщины и номенклатуры

Александр Исаевич, в коем, вроде, обитали два полярных духа, опять обрел согласие с публикой, когда заговорил о том, что дется ныне в России:

«...Я приехал в Россию с ясной картиной об этой реформе, и с кем бы я ни встречался, с кем бы ни говорил на Родине, никто не сдвинул меня с первоначальной оценки. Горбачев семь лет хитрил и никакой перестройки не осуществлял. Правда, он дал гласность, но не только для свободы слова, но для свободы похабства, для свободы оружия, для свободы разврата. Горбачев 60 миллиардов долларов взял в долг для нашего государства. Видела страна эти 60 миллиардов?! Куда они девались?.. Он учетверил долг нашей страны. Мы ничего не видели, а сейчас надо платить. А что можно сказать о гайдаровской реформе?.. Вместо реформ мы получили внезапное освобождение цен, которое ничего не могло дать и не дало при монопольной среде, а превратилось в прямой грабеж народа. То же самое можно сказать о приватизации, которую люди правильно называли прихватизацией.

Мне кажется, всю ее надо пропустить через прокуратуру и следствие.

При правительстве, насколько мне известно, образовались какие-то комиссии по приватизации, которые дают рекомендации, как, кому и по какой цене продавать государственное имущество. Эти подкупленные чиновники все решают по своему усмотрению. Дескать, мы рекомендуем эту вещь продать и по дешевке такому-то вот. Вы понимаете, тут два раза деньги были даны: сначала им, потом дальше. И эта система продажности, безусловно, идет высоко — она не может не доходить до некоторых министров — не может, потому что слишком подкуплен чиновный аппарат. По дешевке распродают наше государственное имущество. Оно даже и государству не приносит добра. Государство должно было от этой приватизации обогатиться, получить большие суммы и двинуть их на расходы. Ничего этого нет.

Пользуясь создавшейся ситуацией, темные дельцы, которые грабят наше народное достояние, наши недра, увозят за границу от 12 до 20 миллиардов долларов. Каждый год! А в это время наше правительство стоит на коленях перед Международным валютным фондом и выпрашивает полуторамиллионный кредит.

Мы третий год слышим разговоры о борьбе с преступностью. Об этом говорило Правительство, об этом говорила президентская команда, об этом говорила оппозиция. И никто с преступностью не боролся до сих пор.

Гайдар разрушил экономику России, а теперь создает новую великую партию. Горбачев разрушил ту систему, которая была. Даже когда мы сидели в лагерях как антикоммунисты, мы в своих планах так мыслили: ни в коем случае нельзя сразу разрушать эту систему, как бы она ни была жестока, как бы она ни была нелепа. Надо медленно-медленно оживать снизу: мелкое товарное производство, частное, мелкий бизнес, маленькие земельные участки и возможность держать скот... Так бы и оживала новая рыночная система. Только снизу вверх, а не сверху вниз.

У нас сегодня много говорят о гражданском согласии. Гражданское согласие и национальное примирение наступят тогда, когда палачи раскаются перед жертвами, когда угнетатели раскаются перед угнетаемыми. А пока... наши дети видят: кто был негодяем, тот прекрасно живет, кто сегодня ворует, тот прекрасно живет. А мой батька честно трудится, и ничего у нас дома нет. Значит, и я буду негодяем, я буду воровать и прекрасно жить.

Говорят, у нас демократия. У нас даже ее подобия нет. Демократия подразумевает реальную власть народа, когда он сам распоряжается своей судьбой. Демократия нуждается в хозяйственно независимом гражданине. У нас этого нет.

У нас сложилась олигархия, то есть власть определенной замкнутой группы людей, которая состоит из бывшей номенклатуры, перекарасившейся в демократов и перешедшей на новые посты, из коммерсантов, сколотивших капитал благодаря темным делишкам, и из прямо преступного мира, который рвется к власти».

Потом Солженицын с горечью сказал о том, что Беловежское соглашение и распад Советского Союза — суть распад Великой России. Потеряны исконные русские земли.

«Двадцать пять миллионов русских оказались за границей. Там веками жили их предки. А теперь за граница. Я как-то сказал американцам: у вас бы один штат выделился, вы бы мигом послали туда войска, и кровью бы залили, задавили бы этих суверенщиков...»

Мысли о старообрядчестве

— ...Здесь прозвучало совершенно безответственное заявление, что Православие породило коммунизм, — сказал Александр Исаевич. — Так бросаться словами нельзя, это ленинская привычка. Да, у Православия тяжелая история, связанная с расколом в XVII веке, когда из него стала изгоняться лучшая часть народа — старообрядцы, самые грамотные, самые инициативные, самые умные люди. В это время, если хотите знать, и хрустнул хребет русского народа. А Петр I этим воспользовался и обуздал Православие. Если бы этого раскола не произошло и Православие осталось бы на уровне старообрядчества, никакой бы революции у нас не произошло. Нет большей глупости, чем выводить коммунизм из Православия. Евангелие основано на любви, а коммунизм — на насилии. Лозунг Маркса, Ленина и всех их — только насилие...

В очерковом повествовании «Древняя вера» я по духовным силам осмыслил и запечатлел церковный раскол, что случился при патриархе Никоне и царе Алексее Михайловиче, и ныне приведу некие доводы в пользу господствующей Русской Церкви.

Романтизация *старообрядчества*, модная в гуманитарной интеллигенции, — ходовая, изношенная, порочная, ибо пренебрегает мнениями святых, коих породила Русская Православная Церковь за три столетия. *Старообрядчество*, прозванное святым Феофаном Затворником *новообрядчеством*, три века проклидало Русскую Православную Церковь, яко поганую никонианскую, сиречь антихристову и выходило, братья и сестры, возлюбленные во Христе, три века крестясь не двуперстно, как *староверы*, а тремя перстами, православные миряне, иноки, иереи, архиереи три столетия *казали дьявольскую фигу* Царю Небесному?.. Выходит, русские святые — святители Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Филарет и Иннокентий Московские, праведный Иоанн Кронштадтский, преподобный Серафим Саровский, оптинские старцы, блаженная Ксения Петербургская, блаженная Матрона Московская, страстотерпцы царские, новомученики... — словом, все святые, в Земле Российской просиявшие после церковного раскола, крестясь тремя перстами, *казали дьявольскую фигу* Спасу Вседержителю?.. Но их же причислили к лику святых... А в акафисте преподобному Илие Муромцу, написанному *вроде бы* до церковного раскола, говорится о крестном знамении эдак: «Радуйся, яко *трие персты* руки твоя, для знамения крестнаго сложенного тако доселе пребывают. Радуйся, яко сим дивом невиданным мнози сумнящихся веру правую обретают...»

Изначально духовенство и богословы сурово развенчивали *нововеров*, величающих себя *староверами*; и обличения *раскольников* звучали, яко гром среди сумрачного дня: «Сии темным умовредная ненависти и дебелаго неведения мраком душевредна омрачившеся и мысленная очеса своя, во еже светлую исправлений лучю не зрети, смеживши, на первопрестольного священноначальника... злокозненния роптати дерзают. (...) Неучи (...) в пагубную роптанию злобу устремляются»², — се писал Епифаний Славинецкий, богослов Московской Патриархии, и его обличительные словеса были созвучны гласу святителей, чудотворцев, преподобных, блаженных во Христе, после раскола в Земле Российской просиявших. Предавали анафеме либо пытались вернуть *зablудшии овце* в лоно Русской Православной Церкви святой Симеон Полоцкий, патриарх Иоаким, преподобный

²Цит. по: Белоликов В.З. Историко-критический обзор существующих мнений о происхождении, сущности и значении русского раскола старообрядчества. — Киев, 1913.

Серафим Саровский, святители Димитрий Ростовский, Филарет (Дроздов), Иннокентий (Вениаминов), Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник Вышенский и другие святые. Вот избранные выписки:

«...*Не новину внесли, а возвратили их на старое.* В наших книгах теперь всё так, как есть в греческих, и как в наших древних, после равноапостольного князя Владимира. (...) Стало, старые книги у нас, а не у раскольников, и древлеотеческое предание тоже у нас, а не у них. У них же всё новины — книги новы, и предание. (...) Раскол распространяется старыми девками, нередко развратными, и мужиками, иногда бродягами, а всегда такими, которые работать не хотят, и вздумали себе добывать хлеб ложнопоповством и жить за счёт простых людей. Все они едва выучились читать и едва бредут по книге, а лезут в учителя». (*Святитель Феофан Затворник Вышенский*)

«Однажды пришли к нему (*прп. Серафиму.* — *Автор.*) четыре старообрядца спросить о двуперстном сложении. Только что они переступили за порог келии, не успели ещё сказать своих помыслов, как старец подошёл к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехпёрстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. Апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь Грекороссийскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многия снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ея — учителя Церкви, архипастыри — суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю». В другое время пришёл к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?» «Оставь свои бредни, — отвечал о. Серафим, — жизнь наша есть море, св. Православная Церковь наша — корабль, а Кормчий — Сам Спаситель. Если с Таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём утверждаешь свою надежду — спастись без Кормчаго?» (*«Житие преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца», кое составил автор летописи Серафимо-Дивеевскаго монастыря, архимандрит Серафим*).

«Святитель [Димитрий Ростовский] (...) говорит, что учение раскольников, происходящее от учителей самозванцев, 1) ложно, 2) еретично и 3) богохульно» (*из «Жития святителя Димитрия, митрополита Ростовскаго, чудотворца». Трифонов Печенгский монастырь*).

«Старообрядцев должно почитать за еретиков. (...) Простой народ почти в язычестве, наполовину в расколе; высшее общество в безверии; пастыри Церкви лишены доверия стада». (*Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений в 5 томах*).

Солженицын — пророк и спаситель России?..

Русская, государственно и национально мыслящая элита раскололась на два лагеря по отношению к нобелевскому лауреату... Избранные российские писате-

ли громогласно величали Александра Солженицына, словно литературного небожителя и спасителя России. **Корней Чуковский** назвал повесть «Один день Ивана Денисовича» «литературным чудом»: «С этим рассказом в литературу вошёл очень сильный, оригинальный и зрелый писатель»; «чудесное изображение лагерной жизни при Сталине». **Анна Ахматова** высоко оценила «Матрёнин двор», отметив символику произведения: «Это пострашнее «Ивана Денисовича»... Там можно всё на культ личности спихнуть, а тут... Ведь это у него не Матрёна, а вся русская деревня под паровоз попала и вдребезги...»

Валентин Распутин истово проповедовал, что Солженицын «...и в литературе, и в общественной жизни... одна из самых могучих фигур за всю историю России, (...) великий нравственник, справедливец, талант. (...) Солженицын — избранник российского неба и российской земли. Его голос раздался для жаждущих правды как гром среди ясного неба. Великий изгнанник. Пророк».

В беседе, записанной мной в начале девяностых годов и напечатанной в журнале «Сибирь», Валентин Распутин сказал: «Достоевский и Солженицын «совершенно самостоятельные фигуры, великие личности — тот и другой. Достоевский — житель духовного мира, заглядывающий в материальный; Солженицын — материального, знающий духовный. Достоевский был последний писатель дореволюционной России, кто знал пути ее спасения, во весь голос говорил о них, но и предвидел, что спасением своим она не воспользуется. Солженицын стал первым писателем такого масштаба, кто оболваненную Россию привел на место ее трагического выбора и показал, как и почему, благодаря каким бесовским силам она изменила самой себе. (...) Оба — как верстовые столбы на мученическом пути России. Еще молчало почти все, отводя душу в анекдотах, но нашелся человек и сказал всю горькую правду. Мы говорим, что правда прорастает из-под любого камня — точно так же поднялся Солженицын. Он поднялся первым, потом легче было разгибать спину другим. Для этого нужно было иметь и мужество, и талант. А еще важно было сберечь и преумножить талант за проклятые годы лагерей. Ведь Солженицын начинал писать в молодости, затем фронт — там не до рукописей; затем тюрьма и лагерь, где тоже не отводили кабинета для самообразования и полезного чтения. И все-таки человек настолько огромной силы воли, настолько могучего духа, что продолжал работать и в этих условиях. И когда вышла повесть «Один день Ивана Денисовича» — это было как потрясение. Воистину: охота пуще неволи. Затем «Матренин двор», «Раковый корпус»... А два последних года для читателей России и вовсе проходят под знаком Солженицына, и если бы наше любезное Отечество, как во времена Достоевского, захотело внять урокам нашего великого современника, на многое бы у нее открылись глаза и по-другому смотрела бы она на происходящее...»

Солженицына и Распутина связывала дружба до смертного одра; оба почитали друг друга за великих писателей земли русской; и Александр Исаевич толковал, заведя речь о корневом русском языке: «...Распутин — один из самых крупных русских писателей... Я в течение сорока с лишним лет, и особенно в последние десять, работал над составлением словаря русского языка. Речь идет о словах из чистого образного русского языка, который мы потеряли. Мы сейчас как нерусские, мы говорим на каком-то жаргоне, перемешанном с английскими словами, которые многие не понимают — всякие ваучеры, дилеры... И в последние годы я решил обогатить свой словарь примерами из классиков и современных писателей. С классиками проблем не было, а вот из ныне здравствующих писателей

настоящую русскую речь я обнаружил у Распутина, Астафьева и Белова. Другие вроде как и нерусские писатели. У других я не нашел слов, которые захотелось бы занести в словарь...»

Виктор Астафьев писал критику Александру Макарову: «Сегодня прочёл Солженицына в «Новом мире». Потрясён. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый». Солженицын — писатель, «которому и без того выпала доля мученика в жизни и в литературе...». После встречи с Солженицыным летом 1994 года Астафьев признавался в письме Валентину Курбатову: «...беседа полноправная, с полуслова понимали друг друга, разночтений не было — великий муж Александр Исаевич, великий! С ним общаться нелегко, ответственно, но интересно и, надеюсь, взаимообогащающе».

Славили страдальца и другие известные писатели, мыслители...

Владимир Солоухин: «Солженицын — сын российской культуры, сын Отечества и народа, борец и рыцарь без страха и упрека, достойнейший человек...»

Игорь Шафаревич: «Как писатель, мыслитель, человек Солженицын ближе к Илариону Киевскому, Нестору или Аввакуму, чем к каким-нибудь (!) поздним стилистам (!) — к Чехову или Бунину...»

Владимир Крупин: «Я как писатель обязан очень многим, если не всем, Александру Исаевичу. Страдания, которые перенес Александр Исаевич, возвышают его над всеми нами»³.

Леонид Бородин: «Солженицын явился той опорой, которая была нам так нужна. «Архипелаг» — это реабилитация моей жизни [посвященной борьбе против советской власти]. В лагерях мы считали Солженицына нашим представителем на воле».

Солженицын — лжец и предатель России?..

...А встреча с нобелевским лауреатом продолжалась. Выкрики, высказывания, вопросы к облегчению публики иссякли, и Александр Исаевич наладился вещать. Хотя, порхая по залу, на стол вещателя прилетело изрядно записок, кои тот, лишь глянув, отмел. И я, помню, торопливо и коряво нацарапал на клочке бумаги, вырванной из записной книжки: «*Александр Зиновьев, известный русский эмигрант, некогда ярый антисоветчик, по возвращении в Россию покаялся: дескать, мы, антисоветчики, целили в коммунизм, а попали в Россию. А может, иные русскоязычные беглецы, что лукавить, что греха таить, прямо в Россию и целили, палили по России, за что Запад и заплатил тридцать сребреников?!*»

Равнодушный к беглецам из России, **Александра Зиновьева** я знал понаслышке, но почитал у Михаила Лобанова, русского литератора, коего высоко чту, и убедился, что и сей изгнанник, хотя и обличал вермонтского мыслителя в оголтелом антисоветизме, и сам вольно ли невольно ли впал в похабную русофобию. Михаил Лобанов в беседе с журналистом «Правды» сказал: «Если у Солженицына, так сказать, символ России ГУЛАГ, то у Зиновьева некий город И...анск. И никакого удержу в русофобских выходках, в глумлении над «и...анским народом» (каково название!). Вот как нам, русским, достается: «И...анская таинственная душа — это лишь и...анский общественный бардак», «Играющие в истории И...анска выдающиеся

³Позже Крупин разочаровался в Солженицыне, читать протокольную и стилизованную, архивариусную прозу которого тоска зеленая, что и прозвучало в его статье «Несобственно прямая речь. (О Солженицыне)».

роль сортиры», «Искусствовед Иванов выразил волю и...анского народа... Ему принадлежит монография о превосходстве балалайки над скрипкой и „матрёшек“ над „Сикстинской Мадонной“, „Заветная мечта и...анца, чтобы его приняли за иностранца“. „Науки юношей питают, надежду старшим подают“, — писал один древней...анский поэт». Это о Ломоносове, как повод потешиться над «и...анской наукой», только и годной для того, чтобы воровать научные открытия у иностранцев. «Не успеешь стянуть у них одну машину, как нужно тянуть другую». «И...анцы много всего внесли в мировую культуру. Радио, самовар, матрёшки — всего не перечести. И...анский землепроходец Хмырь раньше Колумба ходил в Америку». «Самый грандиозный вклад и...анцев в мировую культуру — это обычай троекратного целования». (...) В статье «Что мы теряем» («Литературная газета», 11–12, 22–28 марта 2005), повторяя свои неизменные заклинания «Россия обречена, погибла», он одновременно признается, что больше всего его тревожит «судьба западноевропейской цивилизации», ибо он «прожил всю свою жизнь человеком, до мозга костей принадлежащим западноевропейской цивилизации», что многие его сверстники формировались как «люди западноевропейские, а не национально русские — в этом отношении я ушёл дальше многих других». (...) Не буду больше подробно излагать высказывания Зиновьева, приведу характерные цитаты. «Как некогда их отцы, миллионами сдававшиеся в 1941 году в плен в надежде на лучшую жизнь при Гитлере, нежели при Сталине, сегодня русские сами хотят быть завоёванными в своём безумном стремлении к лучшим условиям жизни» (*газета «Советская Россия», 20 июля 2006*). «Русский народ стал, по существу, народом предателем» (*Там же*).

Солженицын не ответил на мою записку о Зиновьеве, а жаль. Сказать прямо, смутное, полное сомнений было у меня отношение к Солженицыну... всё мерещилась тёмная лошадь... да и теперь в душе не прояснило. Смутно воображая идейный мир Александра Исаевича, я гадал: русский монархист он или белогвардеец западно-республиканского толка, и склонялся к тому, что белогвардеец... Мне жутко повезло, чудилось тогда, что я рядом с Александром Исаевичем и здешним владыкой Вадимом шел с крестным ходом от Знаменского кафедрального собора до поклонного креста, в память о Колчаке воздвигнутого в устье реки Ушаковки, близ ее впадения в Ангару, где красные и расстреляли белого адмирала.

Белые писатели рукоплескали Нобелевскому лауреату, красные писатели брезгливо косились: мол, за длинные рубли и мировую славу послужил Западу в «холодной войне» против Красной Империи. Народные писатели морщились: мол, и художник не Бог вещь какой, до распутинского духа, до личутинского слога, яко до небес, а на Шолохова пяту вздымал: «Ах, Моська, знать она сильна, коль лает на слона...»

Похоже, праведно скорбели красные писатели: в унижении, избиении, ограблении и сокрушении Народной Империи участвовали буйно воспетые писатели-эмигранты, махровые антисоветчики, как ...может, бессознательно... и жившие в стране тихие ругатели советского строя; среди них и некие русские писатели, коих мы словоблудно величали совестью нации, а величать эдак подобает лишь святых, подобных Серафиму Саровскому. Запад же даром палец об палец не ударит, и преступно думать, что тамошние «гуманисты» пеклись и пекутся о благе России; и если буржуазный Запад переводил книги избранных писателей на языки Европы и США, то не за талант лишь, но и за откровенную либо потаенную брань родного народа. За восхваления русского народа Запад не дал и гроша... Добрыми

помыслами вымощена широкая дорога в ад, а посему даже писатели, выходцы из народа, из сострадательной любви бранящие родной люд, очевидно, не сознавая сего, внесли некую лепту в победу Запада над Россией в «холодной войне».

Русь, некогда богоносная, некогда совестливая, извечно была для демонического Запада костью в горле. Русских эмигрантов, не говоря уж о русскоязычных, да и обитавших в Союзе талантливых русских писателей, Запад использовал против России под чёрным знаменем борьбы с коммунизмом, выдавая сие знамя за флаг свободы. Александр Зиновьев осознал, чему невольню послужил, и покаялся. А покаялся ли Солженицын, Бог весть...

На исходе восьмидесятых и в девяностые годы большинство русских писателей относились к нобелевскому лауреату с благоговением, по-распутински уподобляли его Федору Достоевскому, но водились избранные писатели, что вопрошающе вглядывались в лагерного сидельца, прославленного на весь белый свет: а может, Запад заслал казачка в Россию, чтобы помог сокрушить русских националистов с имперскими замашками. Словом, о ту пору в русской образованщине отношение к загадочной личности Александра Исаевича уже было полярным, и полярность нарастала; и на памятной встрече иркутян с зарубежным гостем уже прозвучали речи, не жалующие Солженицына.

Избранные и тоже именитые русские писатели, и среди них Михаил Шолохов, обличали Солженицына: враг русского народа, заурядный писатель, и его нарочитое словотворчество чуждо народной образной речи.

В газете «Правда» за 31 августа 1973 года увидело свет открытое письмо советских писателей в связи с «антисоветскими действиями и выступлениями А. Солженицына и А. Сахарова»: «Уважаемый товарищ редактор! ... Советские писатели всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба — веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику «холодной войны», не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения...» Письмо подписали 31 писатель, и среди них: *Чингиз Айтматов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Расул Гамзатов, Олесь Гончар, Сергей Залыгин, Валентин Катаев, Георгий Марков, Сергей Михалков, Сергей Наровчатов, Борис Полевой, Константин Симонов, Николай Тихонов, Константин Федин, Александр Чаковский, Михаил Шолохов, Степан Щипачёв.*

Михаил Шолохов, воистину великий русский писатель прошлого века, говорил о Солженицыне как о «литературном власовце»: «Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом». Поражает — если так можно сказать — какое-то болезненное бесстыдство автора. (...) Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в опереточном стиле, да еще виршами, такими примитивными и слабенькими, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить нечего. Все командиры, русские и украинец, либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга?

Или только персональными стараниями автора? Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нержина и «демонической» Галины, никчемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские («солдаты-поварята») и солдаты татары? Почему власовцы — изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом». У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности после его письма съезду писателей в мае этого года), что он — душевнобольной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр, и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так, человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37-го года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям, и молодым особенно. Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. (...) *Станица Вешенская. Письмо в Секретариат Союза писателей СССР от 8 сентября 1967 года.*

А вот суждения прочих славных и славленных писателей:

Расул Гамзатов: «С раздражением пришел Солженицын в нашу литературу, со злом ушел из нее. Жить на земле, пропитанной кровью и потом поколений своего народа, и смешать с грязью его прошлое, настоящее и будущее — это уж слишком».

Сергей Михалков: «Солженицын — человек переполненный яростью и злобой, пренебрежением и высокомерием к своим соотечественникам. Опять же, прежде всего — к русским. (...) Ничто не может меня волновать в книге господина Солженицына «Архипелаг Гулаг». Я не вижу в ней художественных достоинств, но вот оскорбить мою страну и исказить историческую действительность ему удалось. Как, впрочем, это удавалось Солженицыну во многом, что выходило из-под его пера в последние годы. У каждого народа есть свои герои и свои предатели. Встав на путь предательства, г-н Солженицын, как мне кажется, понял, что только этот путь, а не подлинная литература, которая всегда служит народу, может привлечь к нему внимание, надеть на него терновый венец «мученика» и «пророка», бесстрашно и безнаказанно вещающего на весь мир. Я, к примеру, хорошо понимаю чувства истинного немца, который гордится своей землей, несмотря на то, что на ней происходило в разные времена. Вряд ли ему пришлось бы по душе книга, в которой о его народе было бы написано столь пренебрежительно, столь желчно, как это сделал, например, г-н Солженицын в своей пьесе «Пир победителей» о русском народе».

Юрий Бондарев: «Не могу пройти мимо некоторых обобщений, которые на разных страницах делает Солженицын по поводу русского народа. Откуда этот антиславянизм? Право, ответ наводит на очень мрачные воспоминания, и в памяти встают зловещие параграфы немецкого плана «ОСТ»(...) Чувство злой неприязни, как будто он сводит счеты с целой нацией, обидевшей его, клокочет в Солженицыне, словно в вулкане. Он подозревает каждого русского в беспринципности, косности, приплюсовывая к ней стремление к легкой жизни, к власти и, как бы в восторге самоуничужения, с неистовством рвет на себе рубаху, крича, что сам мог бы стать палачом».

А вот как оценивал собрата-сидельца **Варлам Шаламов**, славный русский

писатель, который подобно Солженицыну отбыл изрядный лагерный срок «за политику», который поначалу одобрительно относился к Александру Исаевичу: «Деятельность Солженицына — это деятельность дельца, направленная узко на личные успехи со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности. Солженицын — писатель масштаба Писаржевского, уровень направления таланта примерно один. (...) В одно из своих чтений в заключение Солженицын коснулся и моих рассказов: «Колымские рассказы... Да, читал. Шаламов считает меня лакировщиком. А я думаю, что правда на половине дороги между мной и Шаламовым». Я считаю Солженицына не лакировщиком, а человеком, который недостойн прикоснуться к такому вопросу, как Колыма. (...) На чем держится такой авантюрист? На переводе! На полной невозможности оценить за границами родного языка те тонкости художественной ткани — навсегда потерянной для зарубежных читателей...»

А вот суждения о Солженицыне философа **Александра Зиновьева**, его собрата по борьбе с российской «империей зла», изгнанного из России за антисоветизм, а потом презираемого либералами за советизм: «Солженицын как мыслитель — есть абсолютное ничтожество. А в смысле понимания реальности — стопроцентная концептуальная фальсификация. (...) Солженицын сыграл в высшей степени негативную роль в истории нашей страны, и как фальсификатор истории, и как игрушка в руках тех, кто навязал русскому народу [чуждые ему] умонастроения. Его возвращение [в Россию] лишь подкрепит силы разрушения. (...) Солженицын был орудием холодной войны. Все его предложения способствовали только одному — разрушению России. Он стал знаменем разрушения России.»

Бранные слова Зиновьева о былом изгнаннике критик Михаил Лобанов счел не проповедью обличительной, а исповедью покаянной, ибо и Зиновьев мрачно согрешил перед Отечеством, и выше уже поминалась его русофобская книга.

Михаил Лобанов, выдающийся русский литератор, фронтовик, ушедший на войну семнадцатилетним парнем и тяжело раненный на Курской дуге, сурово обличал вермонтского «гения»:

«...Помимо «страсти к политическим выпадам» (его слова), есть у Солженицына и ещё страсть — видеть в своих соотечественниках-современниках желанных ему смертников, поголовных «жертв коммунистического режима». (...) Есть у Белинского сравнение двух современных ему писателей: у одного ум ушел в талант, а у другого — талант в ум. О Солженицыне можно сказать так: у него и ум, и талант целиком ушли в злобу, в ненависть к Советской власти. (...) По накалу ненависти к нашему государству советского периода, к Сталину как великому руководителю этого государства Солженицына можно сравнить только с Троцким. (...) Изгнанник буквально упивается своей всемирной известностью, как его узнают повсюду, не дают проходу. «На железнодорожных станциях Германии и Швеции узнавали меня через окно с перрона, на иных станциях успевали встретить делегации... духовой оркестрик играл мне встречный марш». Странно, но Солженицын как будто не понимает, что вся эта феерия вокруг него — результат оболванивания средствами медиа обывательской массы. И что не сам по себе он интересен. Ну кому нужны сейчас на Западе солженицыны — после того, как не стало великого нашего государства?.. (...) Заклиная «жить не по лжи», Солженицын в то же время упивается своей собственной ложью. Вот его оценка «жертв коммунистического режима» в том же трехтомнике «Публицистики»: «Мы потеряли 30–40 миллионов на Архипелаге ГУЛАГе», «Беда России, где уничтожено 60 миллионов»; «Было

60 миллионов погибших — это только внутренние потери» и т. д. Откуда берутся такие цифры? (...) Сравнить Солженицына с Толстым нелепо хотя бы уже по одному тому, что Толстой гениальный художник, а Солженицыну Бог не дал дара художника. Если уж условно говорить о чём-то общем у них, то это безмерность гордыни. (...) Солженицына привычно потчуют словом «пророк», и он никогда не скажет, не остановит: «Перестаньте, стыдно!» (...) Есть что-то роковое и несколько комическое в положении вернувшегося в Россию пророка. (...) Он одинаково не принимает как империи ни Россию старую, ни Россию Советскую. (...) «Я никогда не был сторонником империи, а Петр I был», — заявил он. (...) Папу Римского Иоанна Павла Второго Солженицын называл «Благодатью Божией». (...) В ненависти Солженицына к исторической России большую роль сыграл Троцкий, с портретом которого он не расставался всю войну. (...) Не случайно Хрущёв поддержал Солженицына, дал ход его повести «Один день Ивана Денисовича». Обоих роднит мстительная ненависть к Сталину. (...) Солженицын приветствовал расстрел невинных людей у Дома Советов 3–4 октября 1993 года. Как автор, «В круге первом» провоцировал своего Спиридона бросить атомную бомбу на Москву, превратить в прах миллионы людей, лишь бы уничтожить ненавистного ему Сталина. И всё это под лицемерным лозунгом «жить не по лжи».

Время распутает пестрый клубок

В фамилии нобелевского лауреата собрата по перу заглавно выделяли букву Л, и выходило СоЛженицын — вроде, лжец, и ложь виделась в «кровавых» цифрах: Александр Исаевич пишет о 66 миллионах человек, «уничтоженных Сталиным и советским государством» с начала коллективизации 20-х годов и до смерти Сталина в 1953 году. А на деле было так... «Хрущев ненавидел Сталина и, закладывая записку о всех осужденных и расстрелянных в СССР, собирался использовать ее в качестве инструмента борьбы с соратниками генералиссимуса. Поэтому министр внутренних дел выискивал максимальные цифры, чтобы угодить новому вождю. И в этой записке, хранящейся в архивах, черным по белому написано, что с 1921 по 1953 год было осуждено и казнено 642 980 человек». (*Владимир Казаков*).

А за четверть перестроечных лет в годы правления Горбачева и Ельцина в России погибло более 34 миллионов русских людей; а вместе с республиками бывлой Красной Империи за эти годы покинуло сей мрачный мир 61 миллион. Красный император Иосиф Сталин, якобы кровавый, — ангел перед помянутыми правителями, по вине которых русские и народы бывшей империи потеряли вдвое больше, чем во Второй мировой войне.

Спустя десять лет после встречи, вспоминая слова Солженицына, я подумал: а ведь за годы ельцинского правления погибло русского народа в десятки раз больше, чем в сталинских лагерях; погибло от бесправия и унижения, от беспросветной нищеты и беспробудного пьянства, от тоски и отчаянной наркомании, от проституции и преступности, и наконец, в затяжной кавказской войне.

Но о том Александр Исаевич молчал, как молчат о сем и правящие в России гробокопатели-демонократы, лишь с пеной у рта развенчивают то сталинский *прижим*, когда Россия дважды воскресла из смерти, то брежневский *застой*, когда случился величайший пассионарный взлет русской нации в искусстве и науке. Нынешние властители дум и сами о сей правде не говорят и народу не велят;

после чего и гадаешь: так, может, нынешняя цензура во сто крат суровее, чем при Сталине и Брежнев.

А потом, отчего же властители дум избочивают лишь сталинский террор?! Отчего же не вопят о большевистском терроре времен Ленина, Свердлова, Троцкого, Урицкого, когда по воле правящих инородцев-иноверцев погиб цвет русского народа из духовенства, крестьянства, офицерства, культуры?! Да, кстати, отчего, по мнению Михаила Лобанова, Солженицын так любил Троцкого?..

Русская трагедия девяностых и нулевых разворачивалась на глазах Солженицына, и Александр Исаевич пытался о сем оповестить российскую власть, но либеральная власть уже не слушала «страдальца», а народ не верил слову «былого пророка». Запад же, ненавидящий русских, яко черт ладан, ликовал: если Солженицын вдруг написал бы роман о великих русских потерях после крушения Народной Империи, перед коими смеркла даже война, то Запад, уже заплативший былому сокрушителю нобелевской премией, не дал бы и ломаного гроша за роман, а рукопись презрительно швырнул в корзину.

Собратья по перу, случалось, обзывали Солженицына лауреатом шнобелевским, попутно вспоминая бранным словом первых начальников ГУЛАГА: Федор Иванович Эйхманс, Лазарь Иосифович Коган, Матвей Давыдович Берман, Израиль Израилевич Плинер и иже с ними легион... Шолохов, Шаламов и прочие писатели уподобляли Солженицына ветхоеврейским фарисеям и книжникам, что «дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлезания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!» (*Мф. 23:5-7*)

Словом, Александр Исаевич Солженицын — сложная, загадочная личность в русской литературе, в русской судьбе, но безжалостное время, подвластное лишь Богу, отгадает загадку, распутает пестрый клубок.

ЭПИЛОГ

Вечер завершился. Теперь народ давился, выбираясь из Дома политпроса, где от духоты уже кружилась голова. Многие хлынули на проторенный путь — через окно. Фанаты кинулись к сцене, чтобы получить автограф, а может, и поближе познакомиться с лауреатом Нобелевской премии. Суета с автографами растянулась на час.

А творческая богема, утаившись от солнца в тени матерых тополей, еще страстно кипела, и так и эдак толкуя слова писателя и саму его личность. Мнение одного иркутского писателя:

— Да какой он писатель?! — разорвался пожилой литератор. — Может, архивариус, историк, да и честный ли, Бог весть... А словом не владеет, не... Ему до писателей-деревенщиков, как до небес, а Распутин перед ним и вовсе гений...

Литератор помоложе заспорил:

— Ну, сразу уж гений... Вот Солженицын верно — гений, весь мир признал. И мастер слова... Почитай «Один день Ивана Денисовича» или «Матренин двор»...

Вклинилась в разговор ворчливая поэтесса-мужененавистница:

— А я ему сроду не прощу, что он первую жену бросил. Недавно прочла ее книгу... Она всю жизнь, все здоровье ему отдала, ждала из лагеря, а он с другой уехал за границу.

Поэтессу осадил мудрый прозаик:

— Не надо в личную жизнь соваться... Един Бог без греха.

Пронырливый журналист сообщил, отчего-то полушепотом:

— Солженицын едет по России в двух вагонах. Сейчас вагоны стоят на железнодорожном вокзале в тупике. С Исаичем — американская телерадиокомпания Би-би-си. Снимают фильм. Говорят, Исаич продал им за бешеные деньги право снимать фильм — как он будет ехать по России от Владивостока до Москвы. Видел, как эти американские киношники наших журналюг распахивают...

— Да, можно эдак за бедный народ страдать, — вздохнул пожилой и нищий литератор. — Катаешься в роскошном купе, или плывешь по Ангаре на теплоходе, каюта первого класса, ресторан, столы ломятся... На перроне, на причале, в клубе слушаешь ограбленный до нитки, униженный народ, сострадаешь. А потом опять — ресторан, шикарная каюта, роскошное купе. А ты, как народ, походи по миру с котомочкой...

Было еще много всяких толкований, судов и пересудов, а мне остается лишь сказать на прощание:

— Загадочная Вы личность, Александр Исаевич...